

Питула О.

Науковий керівник – доц. Сипко А.М.

ИСТОРИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ОСИПА ЭМИЛЬЕВИЧА МАНДЕЛЬШТАМА

История произведений Осипа Эмильевича Мандельштама, как и самой его личности, сложна и трагична. Это история борьбы за существование и право на творчество. Мандельштам был истинным поэтом своей эпохи. Он остро реагировал на все происходящее вокруг и затрагивал в своем творчестве важнейшие общественно-политические вопросы, которые порождали в его произведениях грозный протест против сталинской действительности.

Гражданская позиция Мандельштама во многом выражалась через публицистичность его произведений. Несмотря на то, что в последние десятилетия по творчеству О.Э. Мандельштама написан ряд заслуживающих внимания научных работ, однако нам не встретилось исследование, в котором главным предметом изучения была бы публицистичность стиля поэта в стихотворениях о сталинской эпохе. А поэтому *цель* нашей статьи – изучить поэтические произведения Мандельштама 1920-1930-х годов и выявить особенности проявления в них публицистического начала (на уровне тематики и на уровне стиля, то есть в единстве содержания и формы).

Поскольку в коротком исследовании не представляется возможным осветить всю глубину проблемы, мы ограничимся только несколькими конкретными аспектами исследования: проанализируем с точки зрения публицистичности своеобразную мандельштамовскую трилогию – стихотворения поэта, посвященные осмыслению темы жестокого века: «Век мой, зверь мой...», «1 января 1924» и «За гремящую доблесть грядущих веков...».

Прежде чем говорить о публицистичности стихотворений Мандельштама, надо осмыслить и систематизировать на теоретическом уровне формы проявления публицистичности в поэтическом тексте.

К критериям, по которым можно говорить о наличии в художественном произведении публицистических черт, традиционно относят: злободневность, общественная значимость тематики (преимущественно политической); обращенность к историческому контексту эпохи; активность позиции писателя, порой – тенденциозность; адресованность публике (современникам, владеющим обсуждаемой актуальной информацией); призывность; сочетание высокого гражданского пафоса с индивидуальным отношением к предмету речи; совпадение личности автора и лирического героя; эмоциональность, оценочность, наличие выводов; подчиненность главной идее произведения широкого спектра тропов и синтаксических фигур.

Именно эти критерии стали основой для анализа стихотворений О.Э. Мандельштама о сталинской эпохе.

Первым в мандельштамовской поэтической трилогии о веке-властелине является стихотворение «Век», написанное в 1922 году. В центре его – одушевленный и максимально конкретизированный образ Эпохи. Поэт говорит о потере культурных связей и традиций, о разрушении фундамента нравственных понятий. Поэтому Век становится центральным персонажем стихотворения и предстает в облике хищного зверя.

Суть стихотворения – в стремлении Мандельштама указать на надвигающуюся опасность, исходящую от нового века. Ушедший Век бьется в агонии, гибнут творения человека, вокруг океан крови, а небо так несправедливо безразлично к земным делам, но все же Мандельштам пока верит, что перебитый хребет века еще можно излечить, если возродить культурно-исторические ценности.

На уровне стиля черты публицистичности в этом стихотворении проявляются с помощью таких средств художественной выразительности:

Начинается стихотворение *риторическим вопросом*, который задает общий тон дальнейшему повествованию:

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки? [3, 70].

Центральным художественным приемом стихотворения становится *персонификация*. Посредством ее реализуется главный герой произведения – 20-й век, способный разрушить не только материальные ценности, но и уничтожить человеческую душу. Важную функцию в стихотворении выполняет *обращение* «век мой, зверь мой». Слово «зверь» в данном контексте выполняет экспрессивную функцию – оно призвано подчеркнуть непримиримость позиции писателя по отношению к своей современности.

Произведения Мандельштама с публицистической направленностью содержат в себе огромное количество *метафор*. Стихотворение «Век» – тому подтверждение. Наиболее ярко позиция поэта выражена в таких метафорах: век колышет волну, позвоночник века, гадюка дышит мерой века, зрачки века и др. Как видим, эти метафоры содержат в себе ключевое по смыслу слово – век. Таким образом автор нагнетает эмоции, чтобы подчеркнуть свое отвращение к существующему укладу жизни. Следующий оригинальный художественный прием – *оксюморон* «прекрасный жалкий век». Такое сочетание взаимоисключающих понятий обнажает двойственность позиции поэта, подчеркивает его растерянность перед грядущими историческими изменениями.

Публицистичность стихотворения выражается также при помощи эксплицитных и имплицитных *сравнений*: «словно нежный хрящ ребенка», «в жертву, как ягненка», «словно зверь». Приведенные нами примеры содержат в себе экспрессивную оценочную лексику, которая призвана усилить эмоциональность поэтических строк.

Средством усиления публицистичности в стихотворении можно считать также некоторые фигуры поэтического синтаксиса: *перенос* «сумеет / заглянуть в твои зрачки» (поскольку он требует при чтении резкого повышения мелодики в конце строки), а также симметричный *повтор* фразы, являющейся смысловым центром произведения – «кровь-строительница хлещет».

На *лексическом уровне* обращают на себя внимание: эмоционально-экспрессивная лексика (хлещет, трепещет, зверь, тварь); использование в переносном смысле слова «захребетник» (здесь – паразит, тунеядец), что придает ему негативную, ироническую окраску; кроме того, посредством нагромождения анатомических терминов, обозначающих костную основу живого существа (а именно: позвонки, позвоночник, хребет, хрящ, темя), поэт отождествляет век с живым существом и, говоря о позвоночнике века как самой уязвимой его части, подчеркивает, что он разбит.

Образ пугающего своей жестокостью века углубляется в следующем стихотворении Мандельштама – «1 января 1924». Здесь сразу слышны три акцента основной темы: умирание века, старая Москва и советская эпоха:

Кто веку поднимал болезненные веки –
Два сонных яблока больших –
Он слышит вечно шум – когда взревели реки
Времен обманных и глухих [3, 77].

В этих строках ощутим явный намек на гоголевского «Вия» – такой же страшный, огромный, с железным лицом, слепой Век-Вий. Не видящий красоты и гармонии уничтожаемого им мира, Век стал «властелином», полноправным правителем мира.

Публицистичность в этом стихотворении выражается с помощью различных средств. Прежде всего, почти каждая его строка несет в себе оттенок *гиперболы*. Выражению авторской идеи подчинен ряд *символов*. Так, слова снег, мороз, яблоко – символизируют вечную Россию, которая остается независимо от перехода к новой странице истории. Они даны в антитезе к современной Мандельштаму России. Еще одним показательным символом является трижды повторяющееся прилагательное «глиняный» (глиняный рот, глиняные обиды, глиняная жизнь), которое в данном стихотворении обозначает неустойчивость, аморфность, неспособность противостоять внешним факторам. Символическую роль выполняют также слова «известь» и

«известковый». Выражением «известь в крови» автор подталкивает читателя к мысли о существовании ненужного балласта, который мешает нормальному течению жизни.

Как и в предыдущем стихотворении, в «1-м января 1924» идет глобальная метафоризация текста. *Метафоры-олицетворения* (болезненные веки века, взревели реки, слабеет жизни выдох, губы оловом зальют, потерянное слово, время ложится спать, переулки глотают снег и др.) позволяют автору изобразить то безумство века, во время которого ему пришлось жить.

На уровне синтаксиса в этом стихотворении обращают на себя внимание: *восклицания*: «О, глиняная жизнь! О, умиранье века!» как эмоциональное средство привлечения внимания читателя; *вопросительное предложение* «Куда?» (состоящее из одного лишь слова, оно подчеркивает чувство безысходности поэта, а потому усиливает экспрессивность стиха); *риторические вопросы*: первый из них – «Ужели я предам позорному злословью ... присягу, клятву?» – не требует объяснения, поскольку уже самой своей формой подчеркивает, что поэт никогда не предаст своих взглядов. Второй риторический вопрос придает публицистическую остроту развязке стихотворения. Поэт гневно, на «ты» обращается к советской власти: «Кого еще убьешь? Кого еще прославишь? Какую выдумаешь ложь?» [3, 78]. Чеканность поэтического слога усиливают *инверсии*: спать ложилось время, времен обманных и глухих и др.

Максимальное сгущение образности происходит в финальной строфе стихотворения, где автор опять обращается к символу. Жизнь, движение времени он воплощает в образе печатной машинки. Ундервуд пишет новую историю, но она (по сравнению с предыдущим великим 19 веком) – не могучая соната, а маленькая примитивная «советская сонатинка». И если ее звучание поскорее остановить, растворится в крови сына известковый слой – то есть, наступит новая жизнь.

Уже в 30-х годах поэт полностью принимает свое неизбежное отлучение от общества. Об этом он скажет в стихотворении, которое является последним в его трилогии о веке-властелине – «За гремучую доблесть грядущих веков».

Композиция этого произведения такова, что его первые, повествовательные, строки переходят сначала в обращение к слушателю, а в конце преобразуются в щемящую по своей тональности просьбу. Мандельштам твердо знает: его объявили врагом народа, лишили всех прав и приговорили к уничтожению.

В стихотворении два действующих лица: лирический герой, «я», и век. Век вновь персонифицирован. Но это уже не просто *какой-то* зверь, а конкретный «век-волкодав», который нападает внезапно сзади – он кидается поэту на плечи. Если в первых двух стихотворениях век только появлялся перед поэтом, то в третьем он предстает перед читателем неприкрыто – в своем истинном виде. Лирический герой стихотворения пытается найти спасение для человека. Ему кажется, что таковым может стать только девственная природа – далекая сибирская степь, в которой он ищет защиты.

В этом стихотворении Мандельштам уже традиционно как средство публицистичности использует экспрессивные *метафоры* («кидается век-волкодав», «доблесть веков») и *сравнение* («запихай меня лучше, как шапку в рукав»). Для выражения мучительного состояния растерянности автор применяет *императивы* «запихай» и «уведи». Новым приемом выражения публицистичности в данном стихотворении является *аллитерация* «кровавых кровей»: содержащая в себе два однокоренных слова, она выполняет функцию *гиперболы*.

Центральным средством выражения публицистичности в данном случае продолжает оставаться *олицетворение* «век-волкодав», которое завершает созданный поэтом в трилогии градационный ряд: «век-зверь» и «век-властелин». В последнем стихотворении век изображается как страшная машина, поглощающая все на своем пути: и красоту природы, и человеческую душу. Однако главным здесь является не предчувствие гибели, а отчаянный жест ей навстречу. Ведь несмотря ни на что, поэт был готов решительно ей противостоять.

Потому что не волк я по крови своей

И меня только равный убьет [3, 92].

Создавая свои стихотворения о веке, Мандельштам стал голосом миллионов. Не боясь последствий, он прямо говорил о самом актуальном, самом болезненном для каждого советского человека – о губительной сущности современной ему эпохи.

ЛІТЕРАТУРА

1. Аверинцев А. Судьба и весть Осипа Манделъштама. // Осип Манделъштам. Соч. в 2-х томах. – М., 1990.
2. Бухштаб Б. Поэзия Манделъштама // Вопросы литературы. – 1989. – № 1. – С. 34.
3. Манделъштам О. Собрание произведений. Стихотворения. – М., 1992.
4. Слово и судьба. Осип Манделъштам. Исследования и материалы. – М., 1991.
5. Поэтика публицистики / Под ред. Г.Я. Солганика. – М., 1990.

Поврозник Р.

Науковий керівник – доц. Штонь О. П.

СПЕЦИФІКА ПОРІВНЯНЬ У ПРОЗОВОМУ ДОРОБКУ ВАСИЛЯ СЛАПЧУКА

Для передачі найтонших відтінків думки або почуття, створення легкого і змістовного для сприйняття образу, майстри слова досить часто використовують **порівняння** – фігури мови, що полягають у зображенні особи, предмета, явища чи дії через найхарактерніші ознаки, які є органічно властивими для інших [10:469]. Порівняння не лише фіксує елементи моделі світу, а й дає змогу простежити сам процес їх формування, що робить дослідження порівнянь перспективним та **актуальним**. Їх місце й вагу у стилістичній системі української мови визначає

О. Потебня у праці «Естетика й поетика слова». На його думку, «сам процес пізнання є процесом порівняння» [4:469]. Порівняння як структурно-стилістичний компонент художнього тексту, як ознака специфіки ідіостилу того чи іншого письменника розглядається у дисертаціях Л. Голоюх та О. Марчук [1;2].

Чільне місце порівняння посідають у творчості Василя Слпчука - українського поета, прозаїка, лауреата Національної премії України ім. Тараса Шевченка. Попри те, що його твори є надзвичайно цікавими та оригінальними з погляду індивідуальної мовотворчості, об'єктом стилістичних досліджень вони ще не були. Таким чином, **мета** нашої розвідки – з'ясувати специфіку і місце порівнянь у відтворенні індивідуальної мовної картини світу Василя Слпчука. Матеріалом дослідження стали його прозові твори.

Насамперед, варто відзначити, що 98% із загальної кількості порівнянь – **індивідуально-авторські**. Вони відображають художні смаки В. Слпчука і відзначаються оригінальністю, цікавістю, іронічністю, а у деяких випадках навіть несподіваністю: «*Нарекли ім'ям – як хлібина з печі*» (*Осінь, 30); «*Кожна усмішка – мов хрящик вуха, лише трішки гумою тхне*» (Осінь, 38).

* Назви творів, зазначених у списку літератури, подаємо скорочено.

Що стосується поодиноких прикладів **традиційних** порівнянь, то у них за основу взятий український фольклор: «*Голодний. Як семеро козенят*» (Жінка, 20).

Письменник вдало використовує порівняння для досягнення різноманітних цілей:

- для зближення таких віддалених понять, як живе й неживе: «*Я ніби прикра телеграма*» (Дикі, 167); матеріальне і духовне: «*Це дівчисько порпається в моїй душі, як у своєму ридикюлі*» (Осінь, 51);

- для пояснення, уточнення якогось поняття: «*Агресія ж – найпримітивніша форма захисту*» (Жінка, 146);

- для конкретизації, унаочнення зображення якогось явища: «*Хіба кожен захід сонця не є учбовою тривоною, перед тим як людина ступить у кромішню тьму, що чекає на неї по завершенні життя*» (Жінка, 120);

- для створення живих, переконливих образів: «*Баба функціонує у двох режимах. Коли вона сердита, то діє, наче напалм, а як добра, то ніби мікрохвильова духовка*» (Дикі, 160).

Як відомо, структурними елементами порівняння є його суб'єкт (те, що порівнюють), об'єкт (те, з чим порівнюють) та зіставна ознака. [10:469] Відштовхуючись від поняття «**суб'єкт порівняння**» можна виділити 4 тематичні групи. Опишемо їх детальніше.